

М.В. Вишняк

**Черный год.
Публицистические очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М11

М11 **М.В. Вишняк**
Черный год. Публицистические очерки / М.В. Вишняк – М.: Книга по Требо-
ванию, 2019. – 298 с.

ISBN 978-5-458-80734-0

ISBN 978-5-458-80734-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемая книга посвящена событіямъ и проблемамъ внутренней жизни Россіи.

Составляющіе ее очерки не преслѣдовали задачи дать хроніку или болѣе или менѣе полный перечень текущихъ событій. Конкретные факты и событія служили лишь матеріаломъ, на фонѣ котораго ставились вопросы, освѣщались темы, по-сильно разгнѣвались проблемы. Частное въ свѣтѣ общаго, текущее и преходящее подъ угломъ зрѣнія — не скажу: въч-наго, а болѣе устойчиваго, политико-историческаго — таково методъ очерковъ. Онъ позволилъ придать и, какъ намъ кажется, сохранить за ними болѣе длительный и общій интересъ, независимо отъ момента и повода къ ихъ составленію. Дѣйствующія лица и «герои» проходятъ, обстановка мѣняется, вопросы-же и проблемы остаются.

Говоря о разномъ, о явленіяхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга иногда не только географическими и хронологическими датами, очерки связаны воедино общностью плана и соціально-политическаго воззрѣнія. Написанные соціалистомъ-революціонеромъ и демократомъ, они исходятъ отъ мысли о Россіи и возвращаются мыслью, чувствомъ и върой къ той-же Россіи. Что Россія будетъ и будетъ свободной, — для насъ не только утѣшеніе людей, лишенныхъ родины и свободы сегодня и потому невольно взыскующихъ града нездѣшняго въ будущемъ. Наша непоколебимая въра въ Россію, въ то, что 130-милліонная нація въ XX вѣ-кѣ не можетъ быть обращена въ небытіе или въ рабство, — разсудочно утверждается на томъ, что Россія перестала уже быть на попеченіи какого-либо одного класса или одной партіи Россійской гражданственности. Россія приковала къ себѣ взоры

всего человечества, проникнувъ въ самыя поры внѣшней и внутренней жизни другихъ народовъ, связавъ съ своими судьбами судьбы всего міра. И если даже сегодня своею нежизнью она опредѣляетъ судьбы цивилизаціи, можно-ли сомнѣваться въ томъ, что, когда кончится хожденіе Россіи по мукамъ, она, свободная, снова войдетъ въ творчество міровой культуры?!

Книга состоитъ изъ восьми очерковъ. Первый и седьмой посвящены бытовымъ явленіямъ совѣтскаго строя: смертной казни и голоду. Второй, третій и четвертый — касаются трехъ различныхъ методовъ или типовъ преодоленія большевизма. Они условно обозначены географическими терминами: Крымъ, Дальній Востокъ, Кронштадтъ. Пятый и шестой — разсматриваютъ судьбы революціи и государственнаго единства Россіи. Наконецъ, послѣдній, восьмой очеркъ вплотную подходитъ къ тому экономическому «повороту», или политическому тупику, изъ котораго выхода совѣтской власти уже нѣтъ.

Многія идеи и проблемы истекшаго года можно-бы было сейчасъ иллюстрировать иначе. Многіе факты можно было бы дополнить, изложить или прокомментировать на иной ладъ. Однако, основной и проклятый вопросъ русской жизни — падетъ-ли обреченный гибели Карвагенъ или будетъ взятъ — остается, увы, неразрѣшеннымъ и по сей день. И тѣмъ, что мѣсто энтузіаста или «краснобая» Станкевича, призывавшаго еще годъ тому назадъ русскую интеллигенцію «назадъ въ Россію», органически перерождаютъ совѣтскую власть мирнымъ трудомъ, теперь занято «людьми дѣла» — Путиловыми, Слащевыми и Ключниковыми, — прежняя проблема не устраняется, а только видоизмѣняется.

Данныя о смертной казни въ 1920 году нетрудно было-бы дополнить новѣйшими данными: ссылкой на оффиціальныя сводки, по которымъ за одинъ, напримѣръ, іюнь 1921 г. казнено

въ Москвѣ 748 человекъ, въ Петроградѣ — 216, Харьковѣ — 418, Екатеринодарѣ — 315 и т. д.; или указаніемъ на сентябрьскія убійства 61-го въ Петроградѣ... Можно-бы было легко иллюстрировать «идею» сохраненія русской вооруженной силы заграницей фактами послѣдняго времени: въ частности, — убитыми и ранеными на сербской границѣ въ стычкахъ съ албанцами... Составляя общій списокъ советскихъ социалистическихъ республикъ сейчасъ, надлежало-бы въ него включить, конечно, и «автономную крымскую советскую социалистическую республику», образованную постановленіемъ В. Ц. И. К. 21-го сего октября...

Можно было бы внести измѣненія и поправки и въ мнѣе существенномъ. Такъ, въ числѣ «источниковъ познанія» Россіи надлежало-бы упомянуть о тѣхъ возникшихъ недавно заграничныхъ изданіяхъ, которыя и сами себя съ горделивой готовностью именуютъ «рептиліями». Можно бы было оговорить, что «Голосъ Россіи» и «Послѣднія Новости», не разъ цитируемые въ очеркахъ, — перемѣнили въ теченіе «Чернаго Года» своихъ редакторовъ, а съ ними вмѣстѣ и политическое направленіе. И т. д.

Мы не стали, однако, на этотъ путь, не желая ни отягчать изложенія подстрочными примѣчаніями, ни перерабатывать или заново излагать свои очерки. Тѣ немногочисленныя измѣненія, которыя все-таки были сдѣланы, — почти всегда стилистическаго свойства. Намъ хотѣлось сохранить нетронутой первоначальную перспективу, въ которой очерки составлялись въ качествѣ внутреннихъ обзорнѣй для №№ 1—8 журнала «Современныя Записки» (ноябрь 1920 г. — ноябрь 1921 г.), и которая представляется намъ правильной и сейчасъ.

1-ое декабря 1921 г.

Парижъ.

СОВѢТСКІЙ БЫТЬ.

Традиція русской журналистики.—Собираніе разсѣяннаго свѣта. — «Рефлекторы» и «аккумуляторы». — I. Что дѣлается въ Россіи? — Источники познанія. — Правительственныя сообщенія. — Иностранная экспертиза. — Двѣ категоріи экспертовъ.— Нелегальная литература. — II. Мизерность міровой войны по сравненію съ гражданской въ Россіи. — «Математическое доказательство» конца большевиковъ. — Смертная казнь отмѣнена. — «Да здравствуетъ смертная казнь!» — Творимая легенда. — Хаосъ и случай. — Подъ условнымъ разстрѣломъ. — Достаточно-ли одной правды?

I.

Тютчевъ былъ явно одностороненъ и тенденціозенъ, когда утверждалъ, что въ Россію можно *только* вѣрить. Но онъ нисколько не преувеличивалъ, когда заявлялъ, что ее «аршиномъ общимъ не измѣришь». Нынѣшняя Россія оказывается неизмѣримой ни «общимъ аршиномъ», ни какой-либо иной общей или индивидуальной мѣрой. Въ точнаго познанія, статистическаго учета и систематическаго наблюденія Россія оказывается сейчасъ *въ измѣреніи*.

Даже тѣ, кто находятся въ Россіи, отказываются отвѣтить на вопросъ. — что дѣлается въ Россіи? Порвана живая ткань единого государственнаго организма. Общій запретъ, покидать мѣста своей приписки, спеціальныя пропуска и разрѣшенія для вѣзда, прекращеніе частнаго пассажирскаго движенія, сокращеніе транспорта, затрудненія въ продовольствованіи въ пути, въ припискани

крова на новомъ мѣстѣ, и т. д., создали то, что Россія разбѣлась на рядъ отдѣльныхъ территорій. живущихъ своею самостоятельной жизнью и лишенныхъ постоянной связи съ населеніемъ иногда смежныхъ губерній.

Исчезло самое характерное для органической жизни: разнообразіе, свѣжія краски, жизненная пестрота. Ни разныхъ оцѣнокъ, ни разныхъ отображеній. Всюду, насколько хватаетъ глазъ, единый, мертвенно-тусклый топъ и общій казарменный ранжиръ. Когда-то можно было не только самому слышать шумы жизни, не только внутреннимъ взоромъ проникать въ скрытый ходъ вещей. Можно было вкладывать свои и чужіе персты въ дѣйствительность. Можно было не только субъективно оцѣнивать, призывать или обличать, можно было аргументировать независимымъ сужденіемъ или зарегистрированнымъ объективно фактамъ.

Гдѣ эти возможности сейчасъ? Гдѣ тѣ живые люди, которые еще рисковали бы въ Россіи регистрировать жизнь по-своему, такъ, какъ они ее видятъ, слышатъ, оцѣниваютъ? Если бы даже нашлись такіе одиночки, рискующіе не своимъ уютомъ или свободой, какъ въ былыя времена, а своею жизнью — *tout court* — и не только своею, но и своихъ близкихъ. — какъ могли бы они это сдѣлать? Печати нѣтъ не только потому, что власть политически не терпитъ никакихъ другихъ органовъ, кромѣ своихъ. Печати нѣтъ и по экономическимъ причинамъ: потому что нѣтъ бумаги, нѣтъ краски, нѣтъ машинъ, нѣтъ транспорта и телеграфа, нѣтъ продуктивнаго труда, *нѣтъ живой Россіи*. Вымираютъ цѣлые возрасты. Отмираютъ не только цѣлые разряды людей, но и вещи, учрежденія, наука, культура. Замираетъ всякое движеніе — литературное и идейное — свойственное жизни. Увы, не столько жизнь приходится обозрѣвать теперь въ Россіи, сколько смерть, процессы быстрого и медленнаго управленія...

Въ такихъ совершенно исключительныхъ условіяхъ, если не

ограничиваться святой вѣрой въ Россію, а пытаться хоть какъ-нибудь «обнять» ее и уюмъ, — не приходится пренебрегать ни однимъ изъ существующихъ источниковъ познанія того, что происходитъ сейчасъ въ отдѣльных мѣстностяхъ Россіи. А такихъ источниковъ всего-то три. Это, во-первыхъ, правительственныя сообщенія, публикуемыя во всяческихъ «Извѣстіяхъ» и «Правдахъ». Это, во-вторыхъ, показанія и заключенія, даваемыя о Россіи болѣе или менѣе знатными иностранцами, допущенными туда совѣтской властью. Наконецъ, въ-третьихъ, это — изустные рассказы удачливыхъ бѣженцевъ изъ Россіи или полуконспиративныя письма, изрѣдка прорывающіяся сквозь всѣ преграды. Сюда должны быть отнесены и тѣ немногочисленные листки, открытыя письма и прокламаціи, которыя съ рискомъ для жизни, своей и своихъ близкихъ, все-же выпускаютъ уцѣлѣвшіе въ Россіи смѣльчаки.

Послѣдніе два источника скудны. Первый же, болѣе чѣмъ обильный, мѣстами положительно затопляющій Россію, до насъ доходитъ тоже лишь случайно и спорадически. Негодный къ употребленію въ своемъ натуральномъ видѣ, этотъ источникъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя полезныя свойства послѣ опредѣленной обработки. Кривое зеркало не даетъ правпльнаго отображенія. Однако, и по кривому зеркалу можно получить представленіе объ отображаемомъ предметѣ. Такъ, внося въ совѣтскія официалыныя сообщенія поправку на нормальное «отклоненіе», толкуя, какъ въ эпоху самодержавія, умолчанія, беря факты и откидывая выводы, умозаклучая иногда отъ обратнаго, — можно и изъ большевистской литературы извлечь немало жемчужныхъ зеренъ.

Къ примѣру. Изъ московской «Правды», т. е. изъ совѣтскаго оффиціоза, отъ 3 сентября с. г. мы узнаемъ:

...«матерная брань составляетъ теперь около 75% всѣхъ произносимыхъ коммунарами словъ, и даже дѣти, только

начинающія говорить, первымъ дѣломъ узнаютъ ругательскія слова».

Или та же «Правда» сообщаетъ о чудесахъ пролетарской культуры, объ изобрѣтеніяхъ совѣтскихъ гениевъ, придумавшихъ — одинъ: «пеньковый водоемный рукавъ, вполне замѣняющій резиновые рукава». а другой — рабочий Долгихъ:

...«изготовление цвѣтныхъ карандашей простымъ холоднымъ способомъ, при чемъ карандаши эти ничѣмъ не отличаются отъ фабричныхъ. И, наконецъ, рабочий Солдогой изобрѣлъ машину для литья plombъ, за которую техническая коммиссія Пермской жел. дороги выдала премію въ 100 тысячъ рублей и одежду не въ зачетъ».

Когда сопоставляешь подобныя факты съ показаніями бытописателя совѣтской жизни, М. Горькаго, свидѣтельствующаго въ петроградской «Красной Газетѣ» № 153 отъ 13 іюля:

...«Трудъ сталъ постыдно небреженъ и какъ-то злобно безтолковъ... Никогда еще мы не работали такъ съверно и такъ нечестно, какъ работаемъ сейчасъ... Мелочей тысячи, десятки тысячъ, и онѣ создаютъ атмосферу безобразной расхлябанности, лѣни, преступной небрежности въ отношеніи къ имуществу республики... Разумѣется, все это очень мелко, особенно мелко для насъ, желающихъ научить весь міръ новому порядку и укладу жизни, но можно-ли научиться сознательному труду отъ учителей, которые сами не умѣютъ или не хотятъ работать, и у которыхъ скоро послѣдніе штаны съ ногъ спадутъ. Не думаю, что европейскій рабочій станетъ смотрѣть съ уваженіемъ на голая задницы своихъ русскихъ товарищей».

— этия сообщенія вѣришь. Вѣришь не только потому, что они слишкомъ ярки, чтобы быть выдуманными, или — что они совпадаютъ съ данными нашего личнаго опыта и априорными предположеніями о возможныхъ достиженіяхъ совѣтскаго строя. Этими фактами вѣришь потому, что они внутренне убѣдительны, вполне гармонируютъ другъ съ другомъ и подкрѣпляютъ одинъ другой. Языкъ совѣтскаго псаломщика не выходитъ за предѣлы лексикона, употребляемаго 75 о/о коммунистовъ. Гений совѣтской культуры не идетъ дальше сметки и выдумки кустара, возвра-

шающей Россію къ примитивному, докапиталистическому производству. Натуральная пенка и «холодные способы» взаѣмнѣ резины, топлива и машины — эти официально удостовѣренные факты выразительнѣе многихъ трактатовъ говорятъ о чудесахъ совѣтской республики и ея явныхъ преимуществахъ передъ всѣми «наришвенскими» буржуазными демократіями.

Большевистскія перья волны изъ пужды дѣлать добродѣтель: крайнее матеріальное обнищаніе и вырожденіе выдавать за перлы пролетарскаго творчества. Но если откинуть правительствующее задание, — факты, сообщаемые, правительственной печатью, сохраняютъ свое значеніе. Они имѣютъ сугубое значеніе для тѣхъ, кто свой законный скепсисъ къ показаніямъ заинтересованныхъ сторонъ почему-то склонны проявлять односторонне: не въ отношеніи къ придерживающей большевистской власти и ея «официальнымъ» сообщеніямъ, а въ отношеніи къ жертвамъ этой власти, вызывающимъ о ея преступленіяхъ.

Современное правосознаніе настолько твердо установило, что на обвинителѣ лежитъ бремя доказательствъ, что даже въ атмосферѣ полного отрицанія права и всѣхъ основъ судебного процесса, — то же требованіе доказать свои обвиненія возлагается и на противниковъ большевистскаго режима. продуманно лишившаго свои жертвы не только возможности доказать свои утвержденія, но, зачастую, — даже самого существованія. Въ такихъ условіяхъ не приходится проходить мимо того матеріала, который временами приносятъ мутныя воды большевистской литературы. Матеріалъ этотъ рѣдко доброкачествененъ. Но онъ незаменимъ. Одни только ему и вѣрятъ, только его и цѣнятъ. Но и для болѣе щепетильныхъ и брезгливыхъ показанія большевиковъ о самихъ себѣ представляютъ несомнѣнную цѣнность. Ибо обманывать можно и себя, и другихъ, — клеветать же можно только на другихъ. Кто станетъ клеветать на себя?

Другой источник — свидетельства иностранцев — требует тоже осторожного съ собой обращенія.

Иностранная экспертиза по русскимъ дѣламъ свое главное значеніе сохраняетъ для формированія общественнаго мнѣнія въ странахъ, экспортирующихъ экспертовъ: с в о п м ѣ всегда вѣрятъ больше и скорѣе всѣ люди, классы и націи.

Экспертовъ приходится подраздѣлять на двѣ категоріи: на психологически пріявшихъ «совѣтскую платформу» и ее отвергнущихъ. У первыхъ свѣдѣнія можно черпать лишь съ тѣми же оговорками и поправками, что и у російскихъ апологетовъ большевизма. Пожалуй, — даже съ большимъ. Ибо тамъ, гдѣ отечественный большевикъ откровененъ до цинизма, тамъ его западно-европейскій выученикъ застѣнчивъ и робокъ, и не всегда твердо повторяетъ положенные ему зады.

Совѣтъ недавно одинъ изъ такихъ большевистскихъ недорослей — Кашэнъ — пытался убѣдить общественное мнѣніе Франціи въ необычайномъ расцвѣтѣ пролетарской культуры въ Россіи:

«Самый широкій просторъ открытъ инициативѣ и изобретеніямъ, которыя рождаетъ пролетарскій геній по мѣрѣ того, какъ освобожденіе отъ капитализма и просвѣщеніе даютъ ему больше досуга». — писалъ Марсель Кашэнъ по пріѣздѣ изъ Россіи. (L'Humanité — 8.VIII).

Достаточно вспомнить зарегистрированные самими большевиками «пеньковые водосменные рукава» или «холодный способъ» изготовленія карандашей. — чтобы по достоинству оцѣнить и носторгъ Кашэна, и достовѣрность его показаній.

Большинство изъ того, что сообщаютъ эксперты кашэновской категоріи. — негодно къ употребленію. Но нѣкоторыя, преимущественно бытовые частности, о которыхъ рассказываютъ непескушенные простецы, должны быть удержаны, какъ матеріалъ, исходящій отъ лицъ, желающихъ оправдать совѣтскій режимъ и, вопреки своему заданію, его обличающихъ.